

Весточка

Утонуло молодое сердце...

Еловая аллея—не самая ухоженная и красивая часть парка, но одно из прохладных мест в городе, потому в знойное лето по утрам и вечерам здесь всегда многолюдно. Постоянные завсегдатаи—молодые мамы со своими малышами в колясках, люди преклонного возраста, занимающиеся оздоровительными упражнениями, пробежками. Бывают здесь и случайные посетители—влюблённые парочки, но они уходят в глубь парка, ближе к обрыву, откуда открывается, с одной стороны, панорама на город, с другой—далёкие и близкие горы. Я люблю сюда приходиться по вечерам, когда поднимается ветер. Он гуляет над пропастью, настигает верхушки кипарисов, тополей, кружа, увеличиваясь в оборотах с возрастающей силой, словно разматывает туго затянутый узел духоты над городом. В парке воцаряется перманентный шум листьев, который не воспринимает одурманенный духотой мозг. Главное—прохлада! Но уже несколько дней не было ветра... Тамара Вахтанговна, нервно размахивая большим ярким веером, шла мне навстречу. Вид у неё был несколько обескураженный.

— Ты знаешь, мне надо с тобой поговорить,—обратилась она ко мне, усаживаясь рядом на скамейку.

Тамара Вахтанговна—известная в городе художница. Невысокого роста, склонная к полноте, с выразительными глазами. Волосы она красила в «блонд», что скрывало седину, поглотившую её голову, а заодно—придавало мягкости чертам лица, ведь в молодости была брюнеткой, с большим орлиным носом, выразительными глазами, с подчёркивающими их тонкими бровями. В ней чувствовались мощная энергетика, сильный волевой характер. В общем—аристократка.

Жила Тамара уже несколько лет одна: муж её, тоже по профессии художник, скончался от инсульта, а двое сыновей со своими семьями жили в далёкой Америке. Её собственный дом находился

в Тбилиси, в районе Вера, там же располагалась мастерская. После смерти мужа она особо рьяно ушла в живопись—единственное, что спасало от одиночества и тоски по нему. Иногда одну из комнат на первом этаже Тамара сдавала студентам из провинции. Так решала свои денежные затруднения, ведь жаловаться на жизнь она не умела. Была у неё ещё дача в Коджори, где всегда черпала вдохновение...

— Ты знаешь, мне надо с тобой поговорить. Боюсь, сердце моё не выдержит. Улетела птичка! Улетела!—эмоционально начала она.

Надо признать, у Тамары была особая манера шутить. Иногда она умела вот так серьёзно начать разговор, а потом—всё шумно перерастало в громкий смех, который, по её мнению, лечит. Будучи тонкой, деликатной натурой, ей не хотелось быть в тягость, потому умудрялась во всём найти жизнеутверждающую интонацию. Вот и сейчас я настроилась на очередную хохму, не обратила внимания на то, что сегодня она не причёсана, в глубине глаз—растерянность...

— Что случилось, Тамрикоша?—подыгрывая ей, громко спросила я.

— Настройся, пожалуйста. Это не радостная новость. Только и близко к сердцу не принимай. Ну, ты понимаешь?—предостерегая, спросила меня она.

— Внимаю!—как бы настроилась я.

— Помнишь ту квартирантку из села, ну, где дача? Дом их—напротив моего.

— А, та, что с ребёнком каким-то возилась? Такая крупноватая, угловатая, с мужскими повадками. Она у тебя потом в городе квартиру снимала, когда училась в педагогическом институте. Но это было три-четыре года тому назад.

— Да,—подтвердила она,—та самая...

— Такая смешная,—продолжила я.—Помнишь, как мы сидели у них на веранде, а она готовила в большой кастрюле летний обед из овощей, крупно нарезала своими сильными руками бадриджаны¹, картошку, болгарский перец, лук? В двенадцать часов ночи!.. На всю округу на ночь глядя расплывался запах обеда, и не спавшие по соседству дачники весело шутили: «Нателла, накрывай на стол, идём отвечать твоего аджабсанда!²»

1. Бадриджаны—баклажаны.

2. Аджабсанда—блюдо из мяса и овощей.

Сколько шуток было на эту тему!—невольно улыбнулась я.

— Да, какое лето было! Какое время... Тогда и Валико был жив,—как-то сникнув, сказала Тамара. — Да, Валентин Яковлевич над ней всегда подшучивал. А походка у неё и в самом деле была смешная,—продолжила я, пытаюсь отвлечь её от грустных мыслей.—Ходила широкими шагами, умудряясь при этом раскачивать бёдрами! Получалась карикатура! Хотя в городе она немного преобразилась. Видимо, в погоне за мужским вниманием: села на диету, начала пользоваться косметикой. Стала женственней, что ли? Зачем она вернулась в деревню?... Замуж ей пора! Ведь у неё был вполне приличный ухажёр, ну, как его, этот... Автандил—сантехник ваш,—вспомнила я. — У неё брат—инвалид по рождению. Она вернулась к нему.

— Как это?—оторопела я.— А родители?

— У родителей—своя жизнь: работа, огород, сенокос и так далее. Ты же знаешь—миллион причин и поводов. Больным Вахтангом в основном занималась Нателла. Приходила после уроков в полдень и давай его умыть, одевать, кормить, поить. Она с ним только и общалась. Шорена (мать) успевала к соседям на чашечку кофе при «такой» занятости, а бедная девочка—дом приберу, обед приготовь, подмети двор, погуляй с Вахтангом. Всё время на руках его таскала, а он-то с годами становился тяжелей...

— Что с ней случилось?—вдруг словно осенило меня.

— Постоянно с отцом ругалась, чтобы молился за сына, просил прощения за грехи. Мать поучала, как правильно общаться, не причитать, не травмировать и без того слабое дитё. Всё без толку! Как она переживала, когда родители устраивали скандалы, выясняли отношения! В последнее время Резо загулял, «фифу» себе завёл на стороне, так Шорена в ревности становилась буйной: ей было дело до мужа, но не до сына... Не было там никакой семьи!—резко воскликнула Тамара.— Не было! Вон, младшая дочь Луиза сразу выскочила замуж, в городе осталась. Даже комнату у меня хотела снять, да только как бы я её с мужем впустила к себе? Ей уже отдельная квартира нужна была. И ничего!.. Припеваючи устроилась, жила своей жизнью, не особо тужила о младшем брате. Только Нателла оказалась сердобольной!.. А какой она была смешливой, звонкой хохотуньей, правда, немного угловатой. Только её дети любили. С ней это и случилось в школе...

Я онемела. Несмотря на духоту, вдруг ощутила непонятный холод, озноб. Мне стало страшно.

— У Нателлы случился инсульт прямо в учительской,—спокойно и в тоже время твёрдо продолжила Тамара, словно сама при этом участвовала.— Она проверяла в «окно» тетради, потом

с коллегами перекинулась новостями, затем, как обычно, шутки на всякие темы, убивая время до звонка на урок. Хотя с утра уже неважно себя чувствовала. Но ведь не умела она жаловаться! И вдруг у неё лицо перекошило... Все думают—шутит, гримасничает. Хохочут: «Прекрати, невозможно смеяться!» Но ей, бедненькой, не до смеха! Не может понять, что с ней! Отчаянно пытается объяснить, что у неё что-то не так... А они: «Да-да, не так! Хватит! Скоро на урок! Звонок прозвенел!»—Тамрико остановилась, перевела дух и тихо продолжила:—Только когда Нателла упала в обморок, до этих олухов дошло, что ей действительно плохо! И... не вызывают скорую!—она громко ударила ладонями по коленям, сдерживая душевную боль.—Это же надо быть такими тугодумами! Думают: молодая, здоровая! В общем, остановили машину, посадили её и отправили домой. А дома—тоже не посылают за врачом!—в нахлынувшей одышке она стала учащённо махать веером.—Шорена без чутья, без мозгов! Наверняка думала: всё образуется! Девочка промучилась целый день, только под вечер ей полегчало... Ночью возьми да и случись второй удар! Окончательный и бесповоротный! Позволили в скорую помощь, но машина приехала через два часа!.. Ты понимаешь?!—она посмотрела мне в глаза.—К этому времени Нателла дух испустила...

— Как испустила?—с ужасом спросила я.

— Да, моя хорошая. Испустила. Улетела наша птичка! Улетел ангел! Теперь она свободна.

Ватная тишина обьяла пространство вокруг меня. «Улетела птичка! Улетел ангел!»—вторился в голову голос Тамары, которая, выжидая паузу, перестала размахивать веером. Я вдруг почувствовала, что Нателла рядом...

— И сейчас она рядом с нами?—спросила я Тамару. — Да, с нами... Сегодня сороковой день. Я недавно оттуда. Ты ей всегда нравилась, она донесла до тебя свою весточку.

Я кивнула ей.

Так мы просидели в молчании некоторое время, в абсолютной духоте, в неподвижности деревьев, особо подчёркивающих этот момент бытия, как вдруг, из ниоткуда, рванул ветер! Он закружил с неистовой силой, похожей на ту, что выхватила Нателлу из жизни, из этой семьи и унесла в другое измерение, реальность, где её открытое сердце не страдало из-за чужих грехов, наказаний и чувство долга не превращалось в камень на сердце, когда разочарования и отчаяние изменить что-либо становятся непосильными, тянут ко дну. Ветер не унимался. Огромные тяжеловесные ели, похожие на веер Тамары, синхронно раскачивались, и это сплошное движение приносило облегчение, в отличие от болота жизни, в котором утонуло молодое сердце Нателлы... Шум листьев не заглушал голос Шорены, звавшей в день похорон свою

дочь: «Нателла-а-а-а-а! Как же я без тебя, доченька-а-а-а-а-а?!.. Как же я одна с Вахтанго-о-о-ом?!.. Ты теперь свободна-а-а-а-а!..» А горы—свидетели драмы—безучастно наблюдали... Только звонкое эхо вторило: «О-о-о-о-о-о-ом! А-а-а-а-а-а-а-а-а!»—и уже казалось, что сама Нателла доносила восточку оттуда: «А-а-а-а-а-а-а!.. Свободна-а-а-а-а-а!..»—Вставай,—вдруг прервала ход моих мыслей Тамрико,—уже поздно. Темнеет, да и народ уже разошёлся. Пора!

Вместе с её голосом вернулось чувство реальности. Ветер как-то кстати стих, и мы направились к выходу из парка по нашей любимой еловой аллее, наслаждаясь вечерней прохладой и обсуждая другие новости этого жаркого летнего дня.

Монахиня

Походка женщины—её судьба...

Длительный сезон дождей, связанный с перемещением в воздухе холодного северного циклона, казалось, закончился в то майское утро, когда, сидя под деревьями в уличном кафе, нежась в тёплых лучах щедрого солнца, мы с Владимиром Владимировичем, бывшим коллегой, приехавшим в город по рекомендации друзей, расхваливавших обновлённый красивый Тбилиси как обязательное место посещения для туриста, вспоминали общий московский период середины девяностых...

— Ты знаешь, я заметил: у одиноких женщин одинаковая походка,—неожиданно сказал он в контексте нашего разговора,—её не сразу распознаешь, но они ходят будто на цыпочках...

Я задумалась. Вот коллега наша, Светлана Юрьевна,—одинокая женщина. Красивая, ухоженная. Лёгкая, подвижная. Походка как походка. В чём же её особенность? Вот если бы речь шла о взгляде, я бы согласилась. Взгляд у одиноких женщин одинаковый. Нет, не оценивающий (речь не о мужчинах). Одинокая женщина тоскует...

— Мать не та, которая родила,—вспомнился мне давнишний разговор с ней, когда, встретив меня у входа в учительскую, как бы между прочим сказала она.

— Ты к чему это, Светик?—переспросила я.

— Я это к тому, что та женщина—мать, которая умирает в своих детях. Принесит себя в жертву...

— Мне кажется, все матери приносят себя в жертву. Это так естественно.

— Не все,—твёрдо сказала Светлана.—И вообще, материнским чувством могут быть наделены женщины и нерожавшие, зачастую в гораздо большей степени, чем рожавшие.

— Женщина, которая не рожала, может быть пресыщена нереализованным материнским чувством, и я не думаю, что это обстоятельство может быть

основанием для жертвоприношения,—заметила я резко.

Мы были с ней близки, и меня беспокоило, когда она уходила в грустные рассуждения.

— Может быть! Ещё как может быть! И даже в большей степени, чем у женщин с реализованным, как ты говоришь, материнским чувством,—твёрдо ответила она.

Светлана Юрьевна, просто Светик,—учительница русского языка. Мы с ней были коллегами, работали в одном и том же московском колледже, находящемся в районе Солнцева. Родом она была из Екатеринбурга. В середине девяностых оказалась в Москве в поисках нового пристанища, работы, перспективы; впрочем, после распада СССР это было делом привычным.

Светлана была знатных кровей. Это ощущалось во всём: в осанке, в особой манере общаться. Она всегда держала с собеседником дистанцию, но в то же время располагала на открытость. Особенно красивы были её руки, длинные пальцы. Жестикуляция, которой сопровождалась её речь, приковывала внимание—магия в руках. Высокая, с прямой осанкой. Волосы длинные, слегка волнистые. Глаза—зелёные. Одним словом—красота и совершенство. Казалось, в личной жизни у неё должно быть всё в порядке. Но от первого мужа ушла сама, а второй—её бросил.

С первым, Володей, она дружила ещё со школы, учились вместе в институте. Вышла за него замуж по любви. Но потом его забрали в армию, а затем, как выяснилось,—на войну в Афганистан. Она его ждала. Дождалась. Только вернулся он другим... Семейная жизнь не заладилась, но что было абсолютно неприемлемым для неё—категорически не хотел иметь детей! «Переключило на войне!»—так решили про него близкие. Устав от скандалов, Светлана, для которой материнство было делом насущным, решила на развод.

Со вторым мужем, Никитой, сошлась в Москве. Была общая цель—создать семью. Казалось, всё налаживается, парень серьёзный, с желанием иметь детей. Пока зарабатывали на квартиру, у Светланы стал поджимать детородный период. И тут выяснилось, что у неё какое-то воспаление, проблемы с маточными трубами. Светлана бросилась лечить одну инфекцию, затем—другую. Но перевернул её сознание приснившийся сон: она раскачивает детскую кроватку, поёт колыбельную, а в кроватке—ребёнка нет. «Вещий!»—решила она. Всё перемешалось: неутешительные прогнозы врачей, переживания Никиты, его участвовавшие запои, а потом вдруг выяснилось, что у него—другая женщина, да к тому же—в интересном положении. Вот тогда и случился у Светланы первый срыв. «Жизнь—жесточкая штука, крест на мне другой!»—заключила она. После этого

заиклилась на теме материнства: грусть, тоска омрачали её светлое лицо, когда она замечала беременных женщин или молодых мам с колясками. . .

Всё изменилось, когда нашлась случайная подработка в доме Свиридовых. Благополучная семья жила на Рублёвке. Детям нужен был преподаватель математики, в том числе потому мы и ездили туда вместе. Пока она занималась со старшей русским языком, я — математикой с младшим. Затем мы менялись учениками. Платили нам хорошо, транспортировка — до дома, да и сам особняк, роскошь как-то умиротворяли. Через полмесяца у Светланы изменился взгляд, исчезла та самая тень, если бы не всплывающие изредка разговоры о разнице между рожавшими и нерожавшими. . .

— Ты можешь мне объяснить, к чему это ты? Вот так, с бухты-барахты, затеваешь разговор в учительской? — стала напирать я.

— Понимаешь, я чувствую, как ко мне тянется Артём. Он смотрит мне в глаза, словно ждёт, чтобы я его любила. У меня такое чувство, что он видит во мне мать. . .

— Да что с тобой такое? С чего ты решила? Ведь у него есть мать, и он её любит!

— Мать-то биологическая у него есть, только он её не помнит, потому как она давно бросила детей и живёт своей жизнью.

— Откуда ты знаешь? — встревожилась я не на шутку.

— Я у старшей, Маши, выведала. Предмет-то у меня — русский язык и литература. Ну, сама понимаешь, «Война и мир» в романе Толстого — аналогии в доме Свиридовых, и как почти не изменился московский свет. . .

— Светик, по-моему, тебя не туда заносит!

— Меня заносит туда, куда нужно. Это ты, кроме цифр, ничего не видишь. Вот ты заметила в кабине у Маши в шкафу икону Богородицы?

— Какую ещё икону, Светлана? У меня урок математики, а не богословия! И у тебя урок литературы, и ты всего лишь преподаватель русского языка, а не психотерапевт, изучающий семейную подноготную Свиридовых!

— Звонок прозвенел! Мне пора! Я не подозревала, что ты настолько чёрствая, — сухо оборвав, бросила она напоследок.

Больше на эту тему Светлана со мной не заговаривала. И я, конечно же, пожалела, что тогда оборвала ход её мыслей. Мне пришлось самой выуживать информацию у работающих в доме кухарок и домработниц.

Николаю Свиридову было около пятидесяти. Он женился на Элине в возрасте двадцати четырёх лет. Как выяснилось, мать Элины умерла при родах, об отце не было речи. Девочка оказалась отказной (родственники умершей не захотели

незаконнорождённую), и её удочерила другая женщина.

Приёмная мать (Надежда) растила дочь в строгости, более того — в замкнутости. Когда заметила, что соседский Николай заглядывается на неё, решила подстраховать судьбу дочери, поставив ультиматум перед его родителями: «Девку мне не портить! Либо сватов засылаете, либо — от греха подальше!» Николаю Элина действительно нравилась, потому родители решили: пора. Свадьбу сыграли!

Элина уже в восемнадцать родила свою первую дочь Алину. Через пять лет — сына Аркадия, через десять — Машу, ну а Артёма — сравнительно недавно: ему шёл девятый год. Казалось, семья — идеальная. Дела мужа шли в гору: покупались недвижимость, драгоценности, антиквариат. Жена разъезжала по миру, меняла шубы, интерьеры, дома. Стала учиться на бизнес-леди, занималась собой, увлекалась йогой. Любила светские приёмы, посещала салоны. Николай Петрович поддерживал супругу во всех начинаниях. Но с годами Элина только отдалялась. Она его не любила. . .

Окончательный разлад между супругами произошёл, когда заболела Надежда. Николай Петрович был не против того, чтобы жена выхаживала больную мать, более того — был готов принять её у себя. Ведь дом — большой, всем хватит места, даже теще. Но Элина предпочла переехать к маме. Руководствовалась ли она чувством долга перед женщиной, воспитавшей её, или это была особая психологическая зависимость от её характера, или только повод уйти от Николая Петровича, зажить, наконец, свободной жизнью, — трудно сказать. В любом случае на «поверхности» оставались её занятия йогой, в которые она ушла с головой (стала мастером, открыла свой класс).

Казалось, во всём этом сложном ребусе дети — ни при чём, и Николай Петрович не противился встречам матери с детьми, но. . . Элина и с ними оборвала. . . Артём не помнил лица матери, и когда старшие брат и сестра разъехались (в Америку и в Канаду), из близких рядом с ним оставалась шестнадцатилетняя Маша. На её плечи легли забота и внимание к брату. Если он заболел, она теребила работников, учителей, няню, семейного врача.

В доме работали в основном незамужние женщины — «материнской» ласки и внимания детям хватало вдвойне. Но Артёма раздражала чрезмерная забота посторонних (всех покорял его ангельский взгляд), и только к учителям он относился уважительно. Дистанцированность его только сближала. Очевидно, именно на этой почве Светлана решила, что мальчик к ней тянется.

И всё бы казалось налаженным (учителя любили ученика, ученик — учителей), если бы не проблема

самого Николая Петровича. После ухода жены и её охлаждения к детям у него изменилось отношение к женщинам: няни, кухарки, прислуга не задерживались на работе более трёх месяцев, учителя — менялись каждый год. Иногда его голос, как смерч, «гулял» по дому — он делал замечания всем, словно мстил за боль, наслаждался, когда очередную домработницу доводил до слёз.

Артём часто с грустью делился с учителями своим единственным желанием: чтобы в доме ничего не менялось, не увольняли с работы людей, к которым он успел привыкнуть... Но прошли учебный год и летние каникулы, а звонка о приглашении продолжить занятия не было... Светлана стала нервничать, ездила к особняку Свиридовых, караулила, но как бы ни скрывалась — везде наблюдательные камеры, охрана. Через месяц стало ясно: и эта ниточка оборвалась.

Я старалась не заговаривать со Светланой на болезненную тему, не теревить ей душу. А спустя время, закончив учебный год, по обстоятельствам возвратилась в Тбилиси.

Долгое время не было от неё новостей, если бы не эта встреча с Володей, который работал в том же колледже учителем истории. Он и принёс весточку.

— Ты знаешь, я ездил к ней в монастырь, — сказал он, посмотрев мне в глаза.

— В монастырь?? — удивилась я.

— Да. Она сейчас в Богородице-Рождественском, что в центре города, на пересечении улицы Рождественка и Рождественского бульвара. Не узнал её. Стою, жду. И тут подходит одна из них и говорит: вы меня спрашивали... Это был совершенно другой человек, — продолжал он, немного запинаясь, собираясь с мыслями.

— А что в ней было не так? — спросила я.

— Она не была похожа на нас. Она не была похожа на себя. Она была похожа на них.

— На кого на них? — переспросила я.

— Она была похожа на монахинь... Смешно звучит! Но дело не в одежде. У них одинаковое выражение глаз, одинаковая интонация в голосе, даже походка у них какая-то одинаковая — как бы на цыпочках. От той яркой Светланы ничего не осталось, только боль, которую она заглушает там.

— С чего ты решил, что она её заглушает? Может, наконец, знает, что делать со своей любовью, к детям в том числе! И не будь она сильной, не оказалась бы там. Аскеза — не для суетливых. И сердце её в покое, не боится быть отвергнутым. Оттуда Светлана молится за всех, кого любит, и за Артёма. — Только мне её не хватает, она и в миру всем нужна была, — как-то в сердцах сказал Владимир и после растянувшейся паузы добавил: — Да, всё случилось после Артёма. Светлана чувствовала, как он её зовёт.

— Всё понятно. Она готова была умереть ради него. Возможно — «умерла»... Ну, я хотела сказать, что она молится за него, как если бы была родной матерью. И её молитва и энергия дойдут до него, помогут ему, и так она как бы «умрёт» в нём... — подтвердила я.

— Да. Пусть так. Во всяком случае, это на неё похоже, — сказал он.

Потом Володя сменил тему, стараясь больше не затрагивать настоящее Светланы, и начал спрашивать о Тбилиси, о делах, о переменах за последние десять лет, а я всё время ловила себя на мысли, что, возможно, он прав: у монахинь действительно одинаковая походка, будто на цыпочках, отличная от мирских женщин, — наоборот, всей силой упирающихся в земную жизнь.

Походка женщины — её судьба...

Сирена

Пали деревья во сне её грядущем...

Странный видеоролик мне попался сегодня на глаза: огромное двухсотлетнее дерево, выдернутое из земли, с толстыми корнями, во весь рост стояло на грузовой барже для перевозки через Чёрное море. По указанию известного грузинского миллиардера оно должно было быть пересажено на территорию сада его резиденции. Видимо, у человека страсть к экзотическим деревьям. Сюрреалистическое зрелище...

Дерево всегда являлось одним из универсальных символов духовной культуры человечества — центральная ось мира, соединяющая Небо и Землю. Древо Жизни... Древо познания Добра и Зла... Такое ощущение, что за действиями миллиардера скрыто знание. Я вспомнила супругов Жилиных. Они тоже понимали в деревьях! Но это было другое понимание, другое отношение.

Циала познакомилась со своим Николаем в тбилисском Доме офицеров... Как я любила этот Дом! Сколько связано с ним детских воспоминаний, вплоть до запахов фойе, раздевалки, актового зала, буфета, шоколадных конфет, мандаринов! Переодетые в сказочных персонажей солдаты с подарками, приглашённые артисты — заводили детворы. Разноцветные бумажные гирлянды вдоль длинных коридоров, ведущих из зала в зал до актового, где красовалась нарядная ёлка... Тогда мне казалось, что, кроме новогодних праздников, в Доме не проводилось других мероприятий. Но там всегда действовали библиотека, читальный зал, кружки, различные секции, танцевальные курсы и, конечно же, танцплощадка...

Впервые в Тбилиси из далёкого села Шида-Картли Циала приехала в восемнадцать лет. Она была родом из простой крестьянской семьи. Высокая, стройная, немного худощавая. Волосы коротко острижены. Светлоглазая, светлогокая.

Училась в экономическом техникуме, была примерной студенткой. Всю свою жизнь затем она проработает главным товароведом на тбилисской мебельной фабрике.

Николай Жилин казался немногим её старше. Чисто внешне — полная её противоположность: невысокого роста, круглолицый, кареглазый брюнет. Курсант Тбилисского артиллерийского училища, офицерскую карьеру начнёт и закончит в Тбилиси, в звании майора. Родом из Рязанской области, города Сосова. Из интеллигентной семьи: мать — заслуженный педагог России, отец — кадровый офицер Вооружённых сил, артиллерист.

В тот судьбоносный день скромный юноша осмелится подойти к молодой грузинке с гордым профилем... Какой это был танец? Вальс? Танго?... Он навсегда запомнится им обоим.

У Циалы был непростой нрав, но Николаю Ивановичу он окажется под силу: через год, после долгих ухаживаний, сделает ей предложение. Вся картлийская родня будет против непьющего и не умеющего говорить тосты кавалера Циалы, но она справится с сопротивлением — не убеждая, жёстко предупредит родителей: без свадьбы уйдёт к избраннику!

Большую, шумную свадьбу всё-таки сыграют! Та же родня будет произносить красноречивые тосты в адрес дорогого жениха, а русские гости не будут отставать по части выпитого молодого грузинского вина. Напоследок новоявленная свекровь крепко расцелует невестку, наказав беречь единственного сына, и со спокойной душой уедет домой. Уже через месяц Циала с Николаем начнут семейную жизнь в съёмной однокомнатной квартире в Тбилиси, а спустя десять лет — получат трёхкомнатную в военном городке.

Военный городок, построенный специально для семей военнослужащих и работников предприятий военного профиля, состоял из нескольких жилых новостроек, площадок — спортивной и нескольких игровых. Двор и улица на момент заселения были пустынные, не было зелёных насаждений, потому первичной задачей новоизбранного управляющего Николая Жилина станет озеленение округи. В первый же субботник жители городка займутся разборкой саженцев, рассадой, поливкой. Потом поливка превратится в еженедельный ритуал: длинный шланг, подключённый к воде, дежурные по подъездам будут передавать друг другу, как эстафету. Больше всего за этим делом будет наблюдать детвора — брызги, фонтаны воды...

С годами, конечно, энтузиастов, помощников у управляющего убавлялось: офицерские семьи переезжали на новые места службы, а новопривывшие — не особо активничали. Николай Иванович, Циала и несколько старожилов справлялись одни. Вот тогда-то детвора и прозвала Циалу Сиреной.

Из-за её голоса... Поводов ругать у Сирены всегда было предостаточно: то мальчишки, гоняя в футбол, ударят в дерево мячом, то, заигрываясь в игры, испортят кустарники и цветы, растопчут свежестриженную траву. Она кричала из своего окна на третьем этаже:

— Что творите, негодники?! Это же живые существа! Оставьте дерево в покое! Вылезайте скорее из кустов! — и так далее, и тому подобное.

Застигнутой за преступлением детвора казалась, что у неё везде глаза! В ушах стоял её резкий громкий голос! Потому её не особо любили, побаивались, сторонились. Казалось, она не женщина, а — гроза, молния, сирена!.. А городок тем временем преобразился, становился образцово-показательным: деревья подрастали, превращались в высоких красавцев, кустарники, цветы — разрастались, благоухали.

Но наступили девяностые... Брожение в период развала СССР... Офицеры получали новые назначения по службе, спешили продать недвижимость. Двор пустел... Рядом шла война. Появились первые беженцы из Абхазии. Люди, пережившие войну, видевшие горе, потерю родных и близких, имущества, вынуждены были покупать квартиры или занимать пустующие. Были среди прибывших и вооружённые мхедрионы³. Двор был переполнен оружием! Опасные времена... Но только два человека продолжали жить в собственном мире и, как прежде, если кто-то покушался на деревья и цветы, невозмутимо, без страха кричать:

— Как вам не стыдно?! Что творите?! У вас совесть есть?!

— На войне дети гибнут, а вы тут какие-то деревья «спасаете!» — парировали ей в ответ.

— Кто спасает деревья — спасает и детей! А детоубийца — и дерево нипочём! — жёстко отвечала Циала.

Прошёл и этот послевоенный период. Всё стабилизировалось. Теперь двор стал заселяться третьей волной — жителями из отдалённых районов Грузии, зажиточными и простыми сельчанами, желающими осесть в столице. Одни в городе искали новой жизни, другие — спасались от безработицы, бесперспективности. Но нависла новая угроза: для многих прибывших «горожан», особо склонных к захвату территорий, построение гаражей стало насущной задачей. Деревья стали мишенью на пути реализации их алчных планов. Циала подняла тревогу! Удалось отстоять только часть деревьев, другая — оказалась вырублена. Гаражи всё-таки понастроили!

Именно в этот период у Сирены начнётся кризис: в ту на редкость холодную зиму, поскользнувшись в гололёд, затем — неудачно приземлившись,

3. Члены грузинской военизированной националистической организации.

сломает себе позвоночник. Голос её был слышен всё реже и реже, а вскоре — и вовсе пропадёт.

Николай Иванович её вы́ходит. Поставит на ноги. Но через год — сам сляжет...

Его смерть стала неожиданностью. Циала была безутешна.

— Как же я без Коли?! Не смогу без него! — причитала она.

Так и случилось. В последний период жизни она часто жаловалась, что её преследует один и тот же сон.

— Деревья падают! — рассказывала она. — Падают деревья!..

Николай Иванович и Циала наверняка увиделись бы на том свете... в том самом первом вальсе. Или танго?..

Они кружились бы в такт музыке, как их красавцы, когда подует ветер, раскачиваясь по нарастающему кругу, а затем — успокаиваясь, в небывалом шуме или лёгком трепете наивных листьев, балансирующих при рывках, в полёте за мечтой и вечностью.

А сегодня выдалась небывалая жара. Августовский зной иссушил листву полувековых тополей, и я, глядя на этот жёлтый шебуршащий ковёр, предаюсь созерцанию... Это уже высокие крепыши, разросшиеся до самых крыш девятиэтажек и выше... Да только после просмотра новостей меня передёрнуло. Мало ли кому вздумается выкопать дерево?!

Дерево — это жизнь, энергия, сила... Зачем тревожить дерево? Зачем его беспокоить?..